

Карьера без

«ТРАМПИНОВ»

Что общего между Светланой Омельченко, журналисткой тридцати девяти лет, незамужней, имеющей очень самостоятельную семнадцатилетнюю дочку Ксению, и Президентом СССР Михаилом Горбачевым?

Нет, это не перепев последнего анекдота из популярного сериала «радиохоxm». Вопрос поставлен вполне серьезно.

Ответ: и он, и она к карьере шагнули с общей для них земли — вот именно! — ставропольской, к зениту успеха пришли в Москве. Скажу еще больше: я вовсе не исключаю, что через годика полтора Светлана и Горбачев сойдутся лицом к лицу не где-нибудь, а в Кремле и Президент, пожимая Светлане руку, произнесет что-то вроде: «Я рад, землячка...»

Омельченко — одна из шести журналистов, отобранных из доброй тысячи претендентов для возможной работы в космосе. Сейчас кандидат в космонавты СССР Светлана Омельченко проходит полугодовой курс подготовки к будущему полету.

— Помнится, в то утро, когда по радио передали условия «космического конкурса», я чистила картошку, собираясь «варганить» завтрак. Заботы одолевали самые прозаические: холодильник ни к черту, а нового не купить, с дочкой некогда перемолвиться живым словом...

И вдруг — конкурс! К тому же условия, в общем, простенькие: во-первых, быть журналистом (а я к тому времени двенадцать лет «оттубила» в газете «Воздушный транспорт»), во-вторых, обосновать желание лететь в космос. А я со школьной скамьи, как пишут в плохих заметках, «бредила самолетами». Решила попробовать: не боги горшки обжигают, а?

Мы все (и «классики» — такие, как Ярослав Голованов, и студенты-приготовишки) честно писали свои сочинения. Как ни странно, но именно то, что соревнование шло на равных, многим было не по душе. «Неужели, — иронизировал молодой, но уже известный журналист, ведущий популярной передачи, которого знает вся страна, — я тоже должен экзаменоваться, как литсотрудник какой-нибудь районки?»

Не знаю, окончательно бы изверилась в справедливости, если бы и тут, на конкурсе, начали «химичить» (а попытки идти в обход, пользуясь «позвоночным» правом, были). Но космическая комиссия не дрогнула. Космос, слава Богу, не гастроном, с «черного входа» туда не влезешь... И потому, возможно, мне повезло: прошла на второй тур.

— И сколько же из тысячи соискателей дошло до амбулатории Института медико-биологических проблем, где вас испытывали на «совместимость» с космосом?

— Сто двадцать шесть «бойцов». Туда надо было доставить справки из диспансеров своих районов. И лично мне это стоило, так скажем, некоторых усилий. В наркологическом, правда, лишних вопросов не задавали. Зато в психоневрологическом встретили со странной ласковостью: «Зачем, говорите, справка? Ах, для полета в космос? Не волнуйтесь, пожалуйста, мы вас не задержим. Вот только принесите справку, что вам нужна справка...»

Конечно, большим нахальством с моей стороны было явиться на обследование к медикам. Я, может, и не решилась бы — куда там с моими очками, из-за них и в аэроклуб когда-то не приняли. Спасибо редакции: меня буквально вытолкали на исследования: «Кто говорит, что ты их пройдешь? Зато оботрешься там, поглядишь, затем напишешь что-нибудь для газеты...» Не было ни гроша да вдруг алтын. «Очки, — сказали мне, — большого значения не имеют...»

— Наверное, «шок» далеко не самых приятных процедур, сопутствующих исследованиям, в какой-то мере был компенсирован бытовым комфортом? Ведь не в районке все-таки вас терзали?

— Мы тоже рассчитывали: не районка. Но, честно признаюсь, было как-то не по себе представить, что в комнатухе на пять кроватей так же, как мы, исследовался В. Севастьянов, так же ждал своей очереди в санблок, где на двенадцать душ один... душ и, извиняюсь, единственный унитаз, а сауной пользуются иностранцы.

Вообще, слухи о роскоши, в которой утопают якобы космонавты, сильно преувеличены. Случайно видела список, по которому Герой может в приоритетном порядке отовариться в наших магазинах: один кухонный гарнитур в двадцать пять лет, один холодильник — в пятнадцать, две пары колготок... в год.

— Идея прорыва в космос газетчика, журналиста была, я знаю, встречена без восторга...

— Против были вначале многие, даже очень уважаемые, «матерые» космонавты. Довод: слишком дорого, не ко времени.

Все верно: проблем у нас сегодня невпроворот, земных, приземленных проблем — пустые прилавки, экономическая и политическая свистопляска... Но хочется верить, они не вечны. И, может, войдут они в будущие учебники истории одной строкой. А вот история развития космонавтики, уверена, займет в них места гораздо больше.

— Как ты относишься к уже недалекой перспективе подняться в космос?

— Ну это еще бабушка надвое сказала. Ведь у меня пять соперников — и каких парней! И... 2 тысячи 39 часов учебы. Поэтому: поживем — увидим!

Беседу вел Александр ФЕДОТОВ.